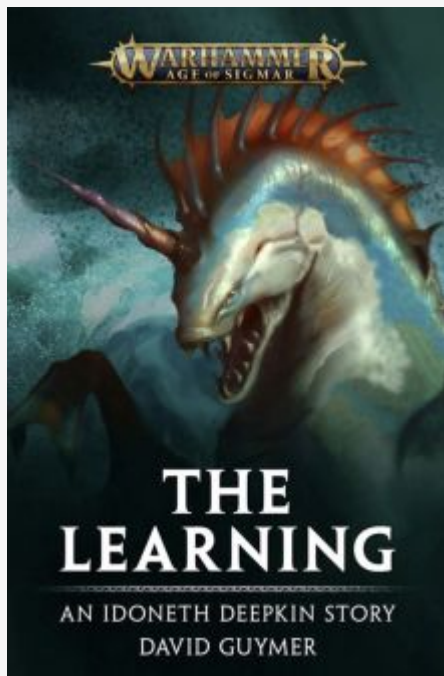

Урок / The Learning (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Урок / *The Learning* (рассказ)

Автор [Дэвид Гаймер / David Guymer](#)

Переводчик [Translationmaker](#)

Издательство Black Library

Год издания [2018](#)

Подписаться на обновления [Telegram-канал](#)

Обсудить [Telegram-чат](#)

Скачать [EPUB](#), [FB2](#), [MOBI](#)

Поддержать проект

Часть первая

I

Храм касты ишаранн располагался далеко от их дома — Турача. Мать держала его за руку. «Чудовища свободно плавают вокруг турсколла, — предупреждала она, — и если ты потеряешься, случится беда».

Мысли о чудовищах не пугали, но он не стал говорить об этом. Вдруг мать отпустит его руку, если решит, что ему не страшно? Он чувствовал, что если мать его отпустит, то навсегда. Ему ничего не было понятно. Они плыли сквозь тьму и холод. Сквозь тишину. Сквозь косяки полупрозрачных рыб — сплошное облако зубов и шипов, которые при их приближении разбредались кто куда. Его ручонка была

маленькой, но он крепко держался за мамину руку.

Спустя какое-то время они прибыли в храм; казалось, время пролетело слишком быстро.

Он ощутил размер сооружения, почувствовал запах коралла, из которого оно было выращено. Он слышал маленьких существ, живущих внутри, и беспокойное журчание водорослевых садов, раскачивающихся в потоках, идущих с открытого океана. Он хотел оглянуться, но мать не разрешила.

Они сели перед двустворчатой дверью. Та была ребристой и серой, и, казалось, медленно дышала. Перед дверью стояли слепые альвы с огромными мечами и ремнями на руках и груди. Их было пятеро. Намарти, недружелюбные с виду. Он снова прижался к матери.

— Все хорошо, Убрайх.

Она приподняла его, и их лица оказались на одном уровне. Лицо у матери было безглазым; глазные впадины покрывала гладкая кожа — совсем как у стоящих у дверей воинов. Она погладила лицо Убрайха вокруг глаз, точно так же, как делала, еще когда он был маленьким. Казалось, она становилась от этого одновременно и счастливой, и печальной.

Как сейчас.

— Ты отправляешься в лучшую жизнь, — сказала она.

— Когда мне разрешат вернуться домой?

Она крепко обняла сына.

— Я люблю тебя, мой храбрый ишаранн.

II

Он больше никогда не виделся с матерью.

После ее ухода он чувствовал, что у него отняли все, что было теплого, и разбросали по стенам его каморки, но Убрайх старался не подавать виду.

Мастера из ишаранно наказывали за подобные переживания. Кроме того, притворство помогало не обращать на эти переживания внимания. Холод тоже помогал. Как и одиночество. И тьма. Даже если он все равно продолжал гладить глаза каждую ночь, пока не засыпал. Как он узнал впоследствии, ишаранн были альвами с чистой душой, в которой душепровидцы разглядели одарённость к магии. Тех, кто лучше подходил для военного искусства, вместо этого отправляли в азидразор, чтобы сделать из них ахелианцев. «Чистая душа». Убрайх начинал понимать, что это значит и как это сделало его другим.

В каком-то смысле это было заботой, но её затуманивали страдания и тоска по дому.

Его научили целебным камням тру'хеас и основополагающим песням чорралуса; как разыскать в океане одинокую душу, находящуюся за тысячу лиг, и как вырвать душу из тела смертного или подчинить её собственной воле. Без всяких объяснений лица вокруг него начали исчезать. Уроки вырывания души и предсказания приливов ушли в прошлое. Вместо них пришли названия: «клыкомора», «аллопекс», «левиадон». Он узнал, кто это, как их укрощать, как тренировать.

Он научился охотиться на них.

III

Он стал укротителем в ту ночь, когда мастер вошёл к нему в комнату с ножом.

Прилив был поздним, и он крепко спал, когда они ворвались в комнату. Трое безглазых трэллов, чьи стройные скульптурные тела испещряла жестокая каллиграфия из чернил и шрамов. Вместе с ними внутрь проник мускусный запах квартала укротителей. Убрайх вскочил со своей полки, но он был сбит с толку и ещё толком не проснулся, а они знали, что делали. Двое намарти схватили его за руки. Убрайх отбивался, но он был мальчишкой — и один, а оба намарти — силачами. Третий висел в воде, скрестив руки на груди. Убрайх был достаточно взрослым, чтобы различать ишараннов, ахеланцев и бездушных намарти, и поэтому ломал голову над тем, почему у последних нет глаз.

«Вдруг это для того, чтобы они не могли заглянуть в чужую душу и почувствовать жалость?» — раздумывал он.

Следом за ними вошел старый альв.

Все в его облике выдавало серую опустошенность. Он носил бронированную мантию из стального стекла и черного перламутра, казалось, великоватую для него. Впалые щёки покрывали шрамы. Выцветший полукруг — след от укуса аллопекса — разделял лицо альва пополам.

Его шея была настолько вытянута, что напоминала высохшие кости, обтянутые бумагой. Бесцветные волосы хвостом плыли за ним. Кожа под одним глазом представляла собой сплошное месиво из шрамов.

— Ты знаешь, кто я? — спросил альв. Даже голос у него был пустым.

Убрайх кивнул.

Гилеан Шестиглазый.

Убрайх узнал его по урокам укрощения зверей. Нельзя сказать, что ему понравились эти уроки. Он скорее чувствовал себя обескураженным. Но в занятиях он преуспел и был доволен собой. Похвалы от мастеров он не искал — и не получал.

Возможно, до сих пор.

Старый укротитель протянул посох, с которым пришёл, судя по всему, сработанный из сросшихся позвонков какого-то очень крупного зверя — наверное, клыкоморы. Покрытые пемзой кости, окрашенные черным, испещряли руны ужаса — *друхири*, древней формы альвов, которая существовала исключительно как воплощение боли.

— Знаешь, что это? — спросил он.

Убрайх молча покачал головой.

— Болевой посох укротителя. Теперь это твое.

— Он чересчур большой для меня.

Укротитель смерил Убрайха взглядом.

— Подрастешь.

Проплывая между наступающими намарти, Гилеан отпустил посох дрейфовать к стене комнаты, и

приблизился к полке Убрайха. Он провёл старческим когтистым пальцем по щеке мальчика. Тот вздрогнул. Двое намарти держали его.

— Раны заживут, но ты никогда не забудешь боль, испытанную этой ночью, как и звери, которых ты укротишь, — сказал Гилеан, вытаскивая тяжёлый изогнутый нож, покрытый рунами. — Это первый урок, который мне преподавал мой учитель. И это первое, чему тебя научу я.

IV

Турсколл создали из живых кораллов; свой нынешний вид они приняли под действием заклинаний ишараннов хорралус — идонетов, одаренных способностью придавать форму природным материалам океанского дома. Он светился, и по мере того, как в Убрайхе росло мастерство укротителя, росло и его умение различать каждое крошечное существо, которое там обитало. Он мог видеть их души. Он знал, что хозяйство идонетов вертится вокруг душ. Крошечные жизни обитателей кораллов, пожалуй, были слишком малы, чтобы заинтересовать инкубати, которые ухаживали за младенцами намарти, но были и те, кто зарабатывал на жизнь, собирая их и продавая ремесленникам, которые применяли эти души для изготовления целебных камней, огней души и восстанавливающих зелий. Укротители были ключевыми в этом деле. Большинство из них могли бы разбогатеть, если бы захотели.

Однако даже неземное великолепие кораллов меркло перед творениями ишратисаров. Художники и ремесленники касты ишаранн своей магией наложили бессмертный отпечаток собственных душ на произведения, оставленные после себя, заставив их сиять в чувствах незрячих. Даже альву, чьи ощущения в привычном окружении скованы, статуи представлялись чудесными: гиганты в серебре, изображающие героев китаи, морских альвов первых океанов. Никто из укротителей не рассказывал Убрайху о тех зверях, на которых они ехали, — с огромными крыльями или ногами вместо плавников, облаченных в металл, будто наземные расы. Они носили имена вроде *асглир* и *калдай* — Серебряные Шлемы и Рыцари-Драконы.

В последующие годы Гилеан Шестиглазый наставлял его только поневоле, лишь изредка нарушая свое отшельничество. И Убрайх обнаружил, что его тянет за утешением или руководством именно к альвам, показанным ему ишратизаром. Они выглядели такими гордыми, такими мудрыми, будто им некогда принадлежали решения всех вопросов. Они восседали на своих удивительных зверях без седел и сбруи.

Стремиться к такому благородству было естественно, как дышать.

V

— Почему Теклис не сотворил китаи совершенными?

В тех редких случаях, когда Гилеан выходил из уединения, он проявлял пристрастие к умственным головоломкам и загадкам. Он считал их самым элегантным выражением *эоласа*. Это слово из языка китаи имело несколько смыслов. Знание. Обучение. Второе имя самого бога Теклиса.

Чаще всего, однако, это понималось как «Обучение».

Он снова повернул к Убрайху огрубевшее лицо.

Двое укротителей плыли через загоны. Шаровидные сети колыхались и вздувались, как медузы, светясь изнутри душами сдерживаемых животных. Миллиард крошечных жемчужин турсколла и сам Турах

немного поодаль были сверкающими и строгими. Будто восход луны. Гилеан предпочитал содержать в загонах самых чудовищных своих зверей. По двум причинам: тут они оказывались подальше от турсколла, и это сдерживало всех, кроме самых крупных океанских хищников, которые без этого сунулись бы в анклав.

Убрайх остановился, держа в руке бушель с рыбой. Голодный аллопекс бился мордой о внутреннюю сторону сетки. Шар раздулся. Хищник яростно скрежетал зубами, пытаясь что-то схватить. Желтые остекленевшие глаза его сверкали сквозь ромбовидный узор сети.

— Может, сам Теклис не идеален? — предположил Убрайх.

Гилеан склонил голову набок, как бы размышляя, но Убрайх знал его достаточно хорошо, чтобы понять: это не тот ответ, которого он ожидал.

Убрайх продолжил кормить аллопекса.

— А может, китаи и не нужно быть идеальными, — сказал Гилеан.

— Зачем богу-создателю сотворять что-то не идеальное?

Гилеан ухмыльнулся, довольный тем, что его спросили.

— Затем, что мы должны стремиться к Свету, который ослепил китаев. Чтобы вновь усвоить урок, какими бы болезненным он ни был.

Старый укротитель поплыл к следующей сети. Его болевой посох был больше, чем у Убрайха, и гораздо сложнее. Он состоял из позвонков не одного, а нескольких зверей, что значительно увеличивало диапазон и размах способностей. Посох венчал огромный растопыренный плавник; казалось, что укротитель опирается на него тяжелее обычного.

— Вы ранены, учитель? — спросил Убрайх.

Гилеан взглянул на свою руку и изобразил печальное выражение лица.

— Зверь, которого я не смог сломить за тридцать лет попыток. Он снова взял верх. — Гилеан вновь оценивающе посмотрел на Убрайха. — Я думаю, ты мне поможешь. Когда твоя магия станет достаточно сильной.

VI

Коррал был сердцем торгового квартала турсколла. Круглый и покрытый толстым слоем сетей, он был настолько обширным, что вмещал целый батальон левиадонов. Высокие стены были отделаны панелями из ишратисара, посеребрены и представляли собой живую диораму рыцарей, столь ярких, что громоподобный стук их копыт сбивал с толку.

— Ты когда-нибудь ломал глубинного скакуна?

Леди Ситилиен хмуро посмотрела на Убрайха сквозь узкие прорезы в шлеме. Ахелианская леди-рыцарь была полностью облачена в голубую чешую, на спине у неё висел коралловый щит естественной формы. Из-под бирюзовой кольчуги выглядывал пучок нежных белых волос, танцующих в слабых потоках воды, поднятых с земли. Она безразлично держала вольтпику.

Гилеан усмехнулся.

Убрайх не ответил.

В Мирах Смертных существовали расы с врождённой двусторонней связью с ездовыми животными. Убрайху о них рассказывали в храме. Грозорождённые Вечные и их Небесные Драконы. Огнеубийцы и их магмадроты. Даже жестокие зверолапы огоры и их скорбные клыки. Но идонетам животные никогда не уступали добровольно — по причинам, которые ни один из ишаранн не смог ему объяснить. Их нужно было сломить. Глубинные скакуны были самыми опасными: их сломить труднее всего. Эти хищники слишком умны, чтобы клонуть на заботу и обещания дружбы. Слишком подлы и коварны, чтобы легко поддаться влиянию искусства укротителей. И в то же время глубинные скакуны — самые желанные ездовые животные для ахелианской знати, выросшей на душевных воспоминаниях о старом асуре и изображениях асглира, калдая и эоласа Теклиса. Гилеан сломил глубинных скакунов для короля и двух королев Тураха. Он носил на шее ожерелье — шесть глаз, выколотых у тех зверей.

— Он не станет его ломать, — сказал Гилеан, подняв лицо вверх. — Он будет моим ассистентом и, возможно, чему-то научится.

Ахелианка убрала челку с лица Убрайха тыльной стороной ладони и внимательно посмотрела на него. Это было немногим больше, чем прикосновение костяшек пальцев к коже, но для лишённого чувств альва это походило на удар электрической клыккоморы. Убрайху пришлось приложить все усилия, чтобы подавить дрожь.

— Оставь моего ученика в покое, ахелианка, — сказал Гилеан.

— Он очень молод, — сказала Ситилиен, пристально глядя Убрайху в глаза. — Мне говорили, что все с этого начинают.

Ахелианка мрачно усмехнулась и отпустила лицо ученика.

— Ты нервничаешь, — заметил Гилеан. — Ты и мальчика заставляешь нервничать.

— Нервничаю? Либо твой зверь убьёт меня, а может, и всех нас, либо мы сломим его, и я смогу получить высший ранг воинской знати Тураха в самом асглир'ахелиане. С чего мне вообще нервничать?

Убрайх чувствовал её свирепую улыбку даже сквозь гладкий шлем и холодный взгляд. Его бледная кожа местами приобрела оттенок индиго, и Убрайх отвёл взгляд.

Видеть, как пожилая женщина демонстрирует свои чувства так...

Леди Ситилиен безжалостно рассмеялась:

— Ты что, никогда не был на поверхности, детка? Не плавал в эфирном море?

— Нет, госпожа. Что охотнику на зверей делать на поверхности?

Гилеан кивнул — может быть, одобрительно.

— У тех, кто совершает набеги, другой взгляд на вещи, — сказала она. — Я вышла за пределы нашего океана и увидела его со стороны. Я чувствовала, как солнце греет кожу, и видела свет во всех его красках. Этот опыт меняет. Не всех чувств следует бояться, и не каждого ощущения нужно избегать.

Она одарила Убрайха новым, ещё более неприятным оценивающим взглядом.

— Ты же знаешь, у меня восемь детей. И все они намарти.

Убрайх беззвучно раскрыл и закрыл рот.

— Он на сотню лет моложе тебя, — вмешался Гилеан.

— А ты на сотню лет старше.

Она изобразила улыбку — такую Убрайх видел только у голодных аллопексов.

— Я дам тебе глубинного скакуна, — сказал Гилеан. — Любые амбиции за рамками этого — после следующего прилива.

Старый укротитель кивнул вверх.

Убрайх, а за ним и Ситилиен повернулись, чтобы проследить за его взглядом.

Стая мускулистых намарти собралась у больших сетей над кораллом, пока они наблюдали. Трэллы плавали, как рыбы, вытянув руки по бокам и держа ноги вместе, их длинные волосы были зачесаны назад и собраны в хвосты. Души намарти походили на мутные созвездия. Низкорослые гибриды альва и человека, альва и дуардина, альва и оррука, слившиеся воедино, чтобы несчастные, рожденные без души, могли пережить младенчество. Из намарти, которым посчастливилось получить души альвов, захваченных во время набегов на поверхность, выбирали личных слуг и охранников, но даже они для чувств Убрайха выглядели заметно ослабленными. Было время, когда он воспринимал намарти иначе.

Сейчас ему было трудно представить себе те времена. Различия между ними слишком бросались в глаза.

Обмотав веревки вокруг талии, намарти вытащили на них одну из колышущихся сетей-шаров из загонов для животных в воде наверху. Они пристыковали ее к крыше загона. Другие намарти быстро подплыли, чтобы скрепить два комплекта сетей металлическими кольцами. Убрайх почувствовал, как напряжение трэлов растет. Он нервно задвигал посохом и увидел, как Ситилиен проделывает то же своей пикой. Именно здесь столь многие намарти и укротители турсколла зарабатывали себе шрамы. Убрайх наблюдал, как они проскальзывают через отверстия в сетях, продевая в них веревки, обвязанные вокруг талии. Они разматывали их, переносили узлы на сетку. Намарти надежно закрепили сети, затем достали ножи и принялись резать веревки, разделяющие два куска сетки. Веревки, инкрустированные кораллами, отвалились. Два сетчатых вольера легко слились в один, и когда зверь заплыл в расширенный загон, намарти разбежались, будто испуганная добыча.

Убрайх прижал болевой посох к груди. От страха и трепета его кожу неуверенно покалывало.

Это был ущельный скакун — одна из самых редких и опасных пород глубинных скакунов, обитающих в океанах Гирана. Он был вдвое больше чудовища, которое Гилеан привязал к седлу королевы Анаэр. Весь разноцветный; когтистые плавники и хвостовые шипы хищника были беспокойно-зеленого оттенка морских водорослей. Бока напоминали радужные бронированные рифы. Колышущиеся, извивающиеся, сморщивающиеся существа, населявшие эти наросты, придавали ощущение лихорадочной энергии и угрозы каждому движению зверя. На мгновение Убрайха охватил благоговейный трепет. Это было величественно. Ущельный скакун петлял и перекачивался, по-жеребьячьи плавая вокруг большого вольера.

Он еще не заметил трех идонетов у себя на территории.

— Щедроты Матланна! — воскликнула Ситилиен.

Ее голос повысился до пронзительной китовой песни, когда она оттолкнулась от пола загона и устремилась к ущельному скакуну. Зверь повернулся к ней, затем тряхнул головой, будто ему что-то только что заползло в мозг. Гилеан с сосредоточенной миной вытянул руку, положив вторую на болевой посох. Зверь отвлекся; Ситилиен ловко увернулась от когтистых плавников, затем с воплем вскочила ему на спину. Ущельный скакун изогнулся и взревел, но Ситилиен втиснулась между шипами и держалась прочно. Затем ахелианка принялась за дело, ударив зверя рукоятью пики.

Гилеан повернулся к Убрайху:

— Это непокорный зверь. Только через боль и страх боли можно разрушить защитные барьеры и подчинить себе его душу. Я не могу одновременно затуманить разум и сломить его. Мне нужно, чтобы ты отвлекал его, Убрайх, пока я подойду поближе и помогу леди Ситилиен.

— Я... я попробую.

На мгновение старый укротитель, казалось, задумался над словами Убрайха, а затем всадил ему в ребра болевой посох.

Сильный удар таким оружием мог покалечить левиадона. Идонет, воспитанный в отречении и лишениях, обладал в целом более тонкой нервной системой. Даже прикосновение могло стать смертельным. Это было все равно, что сгорать заживо. Его не раз била током клыкомора. Его заживо проглотила рыба-пила, пока он кричал. Сейчас он чувствовал всё это одновременно, и вместе с тем ощущение не было похоже ни на что.

Боль иного рода — она пронзала тело насквозь, причиняя все мыслимые страдания, но не убивала.

Убрайх готов был сказать или сделать что угодно, лишь бы не испытывать подобной боли еще раз.

— Что ты собираешься делать? — спокойно спросил Гилеан.

— Его чёртов разум, — выдохнул Убрайх.

Не обращая внимания на ученика, Гилеан бросился вслед за Ситилиен и ущельным скакуном.

Убрайх осторожно вытянулся из позы эмбриона, в которую свернулся бессознательно. Он осторожно прощупал все звериной магией. Душа ущельного скакуна представляла из себя гневный клубок непокорности — высший хищник, которого альв в своем высокомерии посадил в клетку. Убрайх коснулся разума ущельного скакуна в тот самый момент, когда Гилеан ударил зверя посохом в плечо. Ореол души стал уродливым. Зверь издал вопль агонии. Разум замкнулся в себе, инстинктивно ища спасения от боли. Зверь ощутил связь с душой Убрайха и, подобно косяку рыб, вырвавшемуся из сомкнувшихся челюстей аллопекса, атаковал.

Убрайх хмыкнул. Мышцы лица напряглись; он изо всех сил пытался удержать измученную душу ущельного скакуна на расстоянии. Он ударил ментальными зубами и когтистыми плавниками — на груди и предплечьях открылись настоящие раны, оставив кожу подмастерья неповрежденной. Ударом хвоста зверь разорвал ему бедро, и Убрайх закричал. Кровь брызнула из ноги тонкой струйкой.

— Держи его, — прорычал Гилеан и нанес еще один удар посохом.

Мучения зверя были ошеломляющими. На мгновение показалось, что разумы Убрайха и ущельного скакуна упали в объятия друг друга, слишком разбитые и уставшие, чтобы продолжать борьбу. Это было настолько далеко от принципов эолас, что Убрайх чуть не потерял сознание от разлада. Все шло не так,

как должно.

Интересно, подумал он, что бы китаи подумали об искусстве укротителей?

Или асур?

Убрайх закричал: обезумев от непостижимых мук, душа набросилась на него. Если бы ущельный скакун сохранил достаточно здравомыслия, чтобы желать ему зла целенаправленно, то укротитель умер бы на месте. Одного удара оказалось достаточно, чтобы унять ярость зверя и отшвырнуть назад сквозь густеющий туман из темной крови и крошечных пузырьков. Зверь ударился об ишратисарскую обшивку стены загона.

Разум ущельного скакуна вернулся обратно в тело, прочно засев там. Зверь был в ярости, и теперь его ничего не сдерживало. Он схватил Гилеана челюстями и стал яростно трепать мастера укротителя. Альв выронил болевой посох.

— Ты принадлежишь мне! — закричала Ситилиен. На этот раз она атаковала скакуна острым концом вольтпики в голову, но наросты каждый раз мешали нанести удар как следует.

Воистину, это было ездовое животное, достойное асглир'ахелианки Турача.

Убрайх со стоном оттолкнулся от стены загона. Все его тело трясло от боли. Это было самое сильное чувство, которое он испытывал с тех пор, как мать оставила его у ворот турсколла. Связь возникла спонтанно. С этим воспоминанием больше не было связано никакой боли. Её не стало под воздействием времени и одиночества.

Одна только мысль о чувствах заставляла тело реагировать так, как будто ему угрожали невидимые хищники.

Убрайх посмотрел на Гилеана, извивающегося в мутно-красном облаке собственной крови.

Посмотрел на зверя.

В душе у него пробудилось забытое чувство — высокомерное и горделивое. Он сломит зверя, преуспеет там, где потерпел неудачу Гилеан. Это *его* имя будущие поколения ишаранн будут узнавать, изучая мастеров прошлых веков, наряду с Лотанном и Мору. Убрайх снова использовал звериную магию на ущельном скакуне. Мастер-укротитель заполнил его разум, рот наполнился вкусом жизненной силы учителя. Благодаря связи, которую Убрайх уже установил со зверем, он мог просто приказать хищнику погрузить каждую мысль в пожирание бывшего мастера.

— Не отпускайте его, леди Ситилиен.

Оттолкнувшись от стены загона, Убрайх поплыл к растерянному скакуну. Ситилиен обхватила бедрами бока зверя, одной рукой держась за минеральные наросты на шее, а другой продолжая колоть его в шею. Убрайх вынырнул из-под ущельного скакуна и отвел болевой посох.

Удар с хрустом врезался в каменную броню бедра. Зверь изогнулся дугой, боль вырвалась наружу и пробежала вверх по позвоночнику, к его мозгу. Ситилиен вскрикнула; конвульсии зверя обнажили кожу у основания горла, и она вонзила в нее вольтпику. Из раны брызнула кровь. Душа ущельного скакуна вспыхнула от смутения и боли. Убрайх сменил хватку, нанеся удар двумя руками по задним конечностям. Хищник выпустил тело Гилеана, издав тонкий визг; из пасти вырвались крошечные пузырьки.

Убрайх уперся ногой в бок зверя и оттолкнулся назад.

— Приказывайте, — прошипел он. — Утвердите господство своей души над его.

— Покорись! — прокричала Ситилиен, подсекая рукой под горло зверя, как будто желая придушить его и заставить подчиниться.

Ущельный скакун щелкнул челюстями в тщетной попытке сбросить ахелианку, оседлавшую его и схватившую за шею. Пустые глазницы зверя нашли Убрайха. Ноздри раздулись, мышцы на шее напряглись. Убрайх побывал в сознании зверя. Он знал, какие инстинкты им руководили.

— Она сказала: «*Покорись*».

Укротитель поднес руку к разинутой пасти зверя, и тот отпрянул, словно от болевого укола. Оскалившись от напряжения, Убрайх усилием воли подавил последние остатки сопротивления: его магия стала инструментом для усиления боли. Если Убрайх находил непокорство, то безжалостно подвергал мучениям целые участки разума зверя, оставляя омертвевшую душу там, где могла бы расцвести свободная воля.

Медленно и неохотно ущельный скакун сомкнул челюсти.

Когда спина зверя расслабилась, Ситилиен снова опустилась на нее.

Женщина рассмеялась.

— Да, Убрайх. *Да!*

Убрайх засиял от первых слов похвалы, которые он когда-либо слышал.

Он обнаружил, что ему это нравится.

Часть вторая

I

Убрайх откинулся на ребристую плоть гигантского кальруарского моллюска, осторожно разминая мышцы бедра. Лицо его выражало грусть. Прошло двадцать лет с тех пор, как Убрайх встретился с ущельным скакуном, но полученные в тот день раны так и не затянулись. Согласно тру'хиас, это была душевная травма, а подобные раны редко заживали полностью; известно, что они передавались от родителей к детям и даже повторно проявлялись в отдаленных поколениях. Постоянная и вполне очевидная боль, которую причиняло увечье, сделала его чем-то вроде изгоя, поскольку идонетов тревожили крайности в любом их проявлении. Это не слишком беспокоило Убрайха. Что-то в натуре его народа побуждало искать уединения, особенно тех, кого влекло искусство укротителя. Он устроился в чуть подрагивающем жаберном мешке своего связанного зверя, чтобы его упрощенная душа сотворила защитную сеть вокруг его собственной, пока сам Убрайх лениво перебирал лежащее у него на груди ожерелье из восьми глаз глубинных скакунов.

В загоне внизу трое молодых ишаранн по очереди ловили аллопекса; они работали как бы в группе, но только чтобы запутать зверя: на самом деле идонеты, конечно же, действовали поодиночке.

Пока Убрайх слушал, Ириме, старшая из учеников, отделилась от остальных, чтобы нанести удар. Ее болевой посох с хрустом вонзился в плечо аллопекса, и хищника скрутило судорогой.

— Хороший удар, Ириме, — крикнул Убрайх.

Он экспериментировал с похвалой и обнаружил, что она дает положительный эффект. Но, как и во все остальном, — лучше всего соблюдать умеренность.

Ириме была энергичной девушкой, когда ей позволяли проявить свой пыл, и поэтому она всегда наслаждалась возможностью провести время в загоне.

Изучение звериной магии и освещение бестиариев ишратизар наскучило ей.

Убрайху не раз приходилось сталкиваться лицом к лицу с разгневанной молодой ишараннкой. Некоторых обитателей турсколла поражала как её напористость, так и его невысказанное к ней снисхождение. «Отправь ее в азидразор, чтобы она изучила путь душепровидицы», — часто говорили они. Ибо путь укротителей не отличался от пути душепровидцев, которые распределяли маленьких детей по соответствующим семьям: все они не были застрахованы от ошибок. Там, где укротитель пытался подчинить душу своей воле, обученный ахелионом душепровидец вырывал её из плоти существа целиком. Но Убрайх не соглашался. Он знал, что, если однажды дать Ириме волю, потом обуздать её будет ещё труднее.

— А теперь возвращайся, Ириме. Я хочу посмотреть, на что способны остальные.

Нахмурившись, ученица удалилась.

Флауэйн и Валханир были ровесниками и ходили друг на друга, как близнецы. Оба по натуре были осмотрительнее, чем Ириме: у них не было её таланта, но не было и её шрамов. Флауэйн, к примеру, до сих пор позволяла себе выказывать страх, работая с особенно трудным зверем, и, вероятно, испытывала на себе гнев Убрайха так же часто, как и Ириме. По крайней мере, в этом они были равны. Однако у девушки был дар, и Убрайху не хотелось выгонять её насовсем.

Однажды он наблюдал, как Ириме плыла на спине в травяных садах тру'хиаса, протянув руки к бушующему океану, и напевала стайке шпинелей. Они приплыли через увитые зеленью заросли турсколла, не обращая внимания на обитающих там хищников, и прильнули к ее поднятым рукам, будто покрыв их рубинами. Она смеялась беззаботно, как королева китаи.

Убрайху не доставляло удовольствия наказывать ее за чувство удивления.

Из всех троих получились бы прекрасные укротители, ибо меньшего он не требовал.

Аллопекс внезапно вздыбился, чтобы наброситься на Валханира. Челюсть зверя была обмотана гибкими водорослями, не позволяя ему открыть рот больше, чем на ширину вытянутой руки, но мальчик все равно вздрогнул. Он вскрикнул, отшатнувшись назад. Аллопекс рванулся вперед, ткнувшись плоским носом в живот молодого ишаранна. Валханир выронил болевой посох. Убрайх недовольно нахмурился. Прежде чем он успел наказать ученика, Ириме набросилась на зверя. Она напрыгнула на аллопекса сзади, нанеся ему по спине и хвосту такой шквал ударов, что зверь чуть не сломал себе позвоночник в судорогах.

— Хватит, Ириме!

Юная ишараннка зарычала, занеся болевой посох для следующего удара.

— Достаточно.

Стоящая у другого конца загона Флауэйн склонила голову набок, затем сделала движение ногой; Убрайх не заметил бы этот жест, если бы не видел его множество раз до этого. Почти в точности повторив движение, аллопекс ударил Ириме хвостом, отбросив ту к стенам загона.

Убрайх поморщился, увидев, как растрескалась нанесённые там ишратисарские душевные краски асглира.

Лишь после этого учитель обеспокоился за ученицу:

— Послать намарти за тру'хиас?

Яростно гребя, Ириме выпрямилась. Она обвиняюще ткнула болевым посохом в Флауэйн. Младшая укротительница заметно отшатнулась. Валханир перевел взгляд с одной на другую. Флауэйн быстро училась. Одного урока было достаточно, чтобы научить ее держаться подальше от гнева Ириме.

— Я знаю, что это была ты, Флауэйн!

Убрайх схватился за края панциря кальруара и встал, безуспешно пытаясь подавить пробежавшую по ноге дрожь. В конечном итоге он решил просто не обращать внимание на боль, позволив страданиям протекать вне его духа. Кальруар издал хриплый звук, компенсируя изменение веса, чтобы восстановить нормальную плавучесть.

— Ты заслужила этот удар, Ириме, — сказал он.

— Но она...

— Если тебе так удобнее, представь, что удар нанёс я. Если бы аллопекс не ударил тебя сам, я бы заставил его это сделать.

Ириме лишь фыркнула в ответ.

— Я устал от твоей вспыльчивости. Ступай в одиночную камеру, пока я не сочту, что у тебя это прошло.

— Но...

Убрайх поднял болевой посох, и юная ишаранка спокойно принялась собирать свои вещи.

— И вы двое.

Убрайх добавил резкости в свой голос.

— Уберите эту штуку.

Он указал посохом на дрожащего аллопекса.

— Проследите, чтобы этим вечером его накормили *вашим* пайком и обработали его раны. Думаю, завтра его получится укротить.

— Все это сильно отличается от методов Гилеана, а? — сухо заметила леди Ситилиен, когда ее ущельный скаун приблизился к его калруару.

Принцесса Ситилиен, напомнил себе Убрайх.

Ее притязания на ущельного скакуна произвели впечатление не только на ахелионский орден Тураха, но и на королевский дом Анаер, и вскоре они увидели, как она выходит за одного из бесчисленных бастардов королевской линии намарти. На Ситилиен был зубчатый доспех, украшенный шипастым кулаком Анаэр. Ее высокий серебряный шлем в старом асглирском стиле оставлял открытым гордое морщинистое лицо. Скакун тоже был облачен в геральдические знаки и кольчугу. Ситилиен было сто сорок лет, и она никогда не выглядела более могущественной. Убрайх редко бывал в курсе придворных сплетен, но он знал, что Ситилиен недавно родила четырнадцатого ребенка. Очередной намарти. Никто не знал точно, кто их отец. Никого это особенно и не интересовало. Меньше всего — принца.

Идонеты были убежденными, если не сказать «фанатичными», селекционерами: они ценили плодовитость гораздо больше, чем верность.

Его королевская покровительница и случайная любовница погрузилась в дружеское молчание, а Убрайх смотрел хмуро. Он задумчиво поглаживал свое ожерелье. Принцесса снова заговорила:

— Учитывая агрессивность Ирима, Гилеан стал бы для неё отличным примером. Он бы наказал Флауэйн за её трусость, а Вальханира — за его неумелость.

— Я давно решил, что превзойду Гилеана, — сказал Убрайх.

Ситилиен рассмеялась, и Убрайх отметил, что с годами ее смех стал хриплым:

— Гилеан был достаточно хорош. Его навыки снискали ему благосклонность ахелионцев.

— Я не желаю их благосклонности.

Улыбка принцессы померкла:

— Есть те, кто задается вопросом, по какому праву ты носишь ожерелье с восемью глазами.

— Шестью, — поправил ее Убрайх. — Оно называется Шестиглазый.

— Нет, если ты прислушаешься к альвам при дворе.

— Есть причина, по которой я этого не делаю.

Сжав челюсти, Убрайх вжался в плоть своего ездового животного, словно решив игнорировать ахелианскую принцессу.

— Я сломил ущельного скакуна, на котором ты теперь едешь.

Укротитель искоса посмотрел на Ситилиен, и её скакун заржал, словно вспомнив о ране на его разуме, заставив Ситилиен неэлегантно тронуть поводья. С того дня способности Убрайха только возросли.

— Я, а не Гилеан.

— Я помню. Именно поэтому я сейчас здесь. Ты горд, Убрайх, а я стара. Я бы хотела, чтобы ты продолжал пользоваться милостями двора, даже когда моя душа упокоится в хоррилеме.

Убрайх ничего не ответил, наблюдая, как Вальханир расставляет сети вокруг аллопекса, чтобы подготовить его к перемещению.

— Ты даже не спросишь?

Убрайх хмуро посмотрел на неё.

Ситилиен ответила тем же.

— Я недавно вернулась из рейда на Разрушенный Гуллирион. По возвращении потеряла из-за глубинного скакуна нескольких разведчиков намарти — описание зверя сбило с толку ишараннов из моей фаланги.

— Волноплёты и хранители душ, — пробормотал Убрайх. — Что они могли знать о звере?

— Они утверждают, что он был покрыт панцирем, вроде левиадона, хотя и более узким по форме и не таким большим. Говорят, что при этом он двигался быстро. Что бы это ни было, оно уничтожило сорок налётчиков намарти.

— Где это произошло?

Убрайх оторвал взгляд от учеников и уставился на принцессу.

— И когда?

— Отмели, недалеко от Двай-Хора.

— Отмели, — задумчиво произнес Убрайх. — Не так уж часто там найдешь по-настоящему великого зверя. Кто-нибудь еще знает?

Ситилиен ухмыльнулась, оскалившись:

— Для народа-затворника мы не очень-то хорошо храним секреты между собой. Турсколл гудит от разговоров об этом звере — ты бы знал это, если бы провёл там хоть немного времени. Несколько укротителей с подмастерьями уже строят планы по захвату монстра.

— Им не обойтись без поддержки ахелионцев.

Разум Убрайха уже пришёл в движение: строил планы, воображал давно назревшее затмение легенды его бывшего учителя и его собственной.

— Без поддержки батальонов им никогда не добраться до Двай-Хора.

Сбруя Ситилиен заскрипела, когда она наклонилась к нему. Улыбка на её лице была почти такой же, как у Гилеана в моменты его неосторожности, когда ему удавалось поделиться некоторой мудростью.

— Ты случайно не знаешь какого-нибудь турахского укротителя, который мог бы заручиться такой поддержкой?

Убрайх нахмурился. Он потянулся правой рукой к лицу. Вытянув указательный палец, он начал водить им вокруг глаз. Старая привычка. Убрайх не мог вспомнить, когда и почему он начал так делать, но всякий раз, когда он чувствовал, что эмоции угрожают взять над ним верх, эти движения напоминали укротителю о времени и месте, где он чувствовал себя в безопасности.

Убрайх опустил руку набок и вздохнул.

— Сколько времени тебе понадобится на подготовку?

II

Идонеты были пуританским народом, мало склонным к карнавалам или помпезности.

Если в их анклавах что-то выглядело красиво, то лишь из-за красоты, присущей рифам и кораллам, из которых эти вещи были сделаны. Если их снаряжённые войска казались чем-то возвышенным, то из-за красоты, которой обладали их составные части. Это было одинаково верно как для трэллов намарти, так и для ахелионских лордов, ибо, какими бы болезненными и увядающими душами ни были они наделены, намарти всё ещё обладали совершенными телами, какие бывали лишь у альвов.

Батальон намарти принцессы Ситилиен собрался перед инкрустированными ракушками приливными воротами Турах, но не рядами и шеренгами высадившегося воинства, а шаровидным косяком рыб с красивой чешуей. Они плавали свободно, вооружённые двуручными мечами ланмари или короткими шепчущими луками, их ограничивала лишь плотная застройка школы и светящиеся мягким светом коралловые шпильи, возвышающиеся, будто Божественный Зверь.

Ни Убрайх, ни Ситилиен не делали никаких предварительных заявлений, и все же небольшая группа постепенно превратилась в толпу, собравшуюся поглазеть, как они отправляются на охоту. Возчики, сборщики и чернорабочие из намарти отложили работу. Лорды и их приближённые слуги наблюдали за происходящим с коралловых уступов и веранд, выросших из огромных шпилей. Их переполняла необузданная энергия. Возможно, идонеты были холодными и замкнутыми, но что-то в глубине их душ неистово рвалось на дикую охоту.

Ситилиен взмахнула пикой, чтобы собрать батальон.

Ей не нужно было ничего говорить. Когда фаланги совершали набеги на побережья, граничащие с их океанами, в поисках смертных душ, все знали, зачем. Когда ахелионцы собирали батальоны, чтобы привести домой огромного зверя, все знали, зачем.

Убрайх повернулся к своим ученикам и небольшой группе суровых с виду личных трэллов. Ирме была полна энтузиазма, ее лицо исказила свирепая улыбка. Флауэйн и Валханир выглядели встревоженными, но, казалось, пребывали в нетерпении. Все трое были одеты для выхода в открытый океан. Ребристые кожаные ботинки для плавания на длинные дистанции. Легкие куртки из ламинии с карманами и вшитыми ракушками для дополнительной защиты. Валханир перекинул руку через вьючное животное. Морская улитка была первой в цепочке из шести моллюсков; их спиралевидные раковины были украшены сетками, в которых хранились припасы: рунические камни для обогрева, исцеления и медитации; веревки; цепи; травы; еще сети и запасное оружие для намарти. Все трое ишараннов несли боевые посохи.

Им тоже не требовалось слов.

Убрайх отвернулся от учеников, позволив ментальному зрению расфокусироваться над горой возделываемых рифов.

Это было его первое возвращение в Турах, которое он мог вспомнить. Он не ведал, что надеялся там увидеть. Или кого. В Турахе обитали только намарти. Альвы с чистой душой, коих было один к ста, пребывали во дворцах и замках великих коралловых шпилей или в благословенном уединении турсколла. Убрайх стиснул посох и сделал успокаивающий вдох. Нога начинала болеть уже от одной только ходьбы по воде. Он задумался, не проявил ли неблагоприятное, оставив своего кальруара позади. Именно из гордости он настоял на том, что умеет плавать, потому что им предстояло долгое путешествие, и Убрайх

не стал бы вынуждать целый батальон двигаться со скоростью моллюска.

Сквозь порхающих намарти пронёсся ишараннский волноплёт, не знакомый Убрайху. Вновь прибывшая была высокой и ослепительно строгой, облачённой в белый плащ, который украшали гирлянды из ракушек цвета лазурита и аквамарина. Альвка, одетая почти полностью в серебро асгира и восседающая на ущельном скакуне, спустилась и встала рядом с Ситилиен; она подняла пелагический посох, проверяя преобладающие течения, идущие сквозь приливные врата, и объявила их благоприятными. По толпе рабочих, наблюдавших за происходящим, пробежали нетерпеливые возгласы, а затем ишараннка удалилась, подобно приливу.

Ситилиен отдала команду.

Охота выдвинулась из Тураха.

III

Открытый океан был неподходящим местом для идонетов.

Хотя альвы и претендовали на все, что было с ним связано или к чему прикасались его воды, они мало чем управляли за пределами своих небольших анклавов. Когда фаланги совершали набеги на сушу, они путешествовали по эфирному морю, забрасываемые на большие расстояния магией волноплётов и душепровидцев. В тех редких случаях, когда возникало желание или необходимость отправиться в другой анклав или ответить на зов ассамбралья, они путешествовали через водовороты — сеть врат царств, которые впадали в океан Гэлуса в Хиише, мифической родине китаев.

В Зеленом Ущелье Гирана было пять анклавов идонетов; все они произошли от первоначальной колонизации Ионраха. Эльгаэн, Белый Город, чьи перламутровые башни снискали ему репутацию сдержанной красоты и неземного великолепия. Двай-Хор с его зелёными подводными лесами, где в солнечном свете, преломлённом волнами, иногда можно было увидеть сильванетов. Гетен, известный своими бесплодными камнями и выносливыми воинами. И, конечно же, Турах, Город Шипов, некогда выдающийся — до возвышения Бриомдара и его ишараннской королевы. Они были крупными цивилизующими влияниями, рассеянными по чёрной и сокрушительной пустоте. В океане не было света. Никакое искусство ишратисар не определяло его стен и сооружений. Не существовало строителей хорралус, которые могли бы упорядочить его красоту. Пульс жизни покрыл поверхность океана водорослевыми матами размером с континенты, но глубокие места навсегда остались враждебными. Это было еще одно проявление бесплотной магии, которая там обитала. Физически океаны по-прежнему принадлежали Гирану, но на самом деле...

Руководствуясь только извилистыми душевными линиями марширующих колонн намарти, Убрайх взял за правило останавливаться, глубоко дышать и впитывать сокрушительную пустоту, которой он был полон. Опустошение было абсолютным, первобытным, почти духовным.

С первого прилива они потеряли шесть намарти. Ещё восемь — после последующих. Затем — ещё восемнадцать, включая одного из личных охотников Убрайха. Ситилиен становилась всё более озлобленной и насторожённой по мере того, как росло число жертв, но Убрайх знал, что расстояние между приливными вратами Турах и пустотой, на которую они были обречены, обойдётся дорого. Он попытался объяснить, но ахелианка переносилась на эфирных волнах только на сушу и не смогла его понять. Турах и Двай-Хор разделяла тысяча миль заброшенной воды, наполненной лишь древними зверями и лишенной грёз магии.

Когда они разбили лагерь на пороге четвёртого прилива, настроение среди намарти было даже мрачнее обычного.

Развернулись огромные навесы из рыбьей чешуи, обеспечивающие укрытие от ледяных течений и некоторую степень маскировки: под ними слуги могли прятаться от случайного крадущегося хищника. Убрайх приказал своему намарти выпустить в океан бушели рыб-стражей. Они кружились вокруг покинутого лагеря; каждая из рыбок была сломлена, привязана к душе Убрайха и не решалась разорвать эту связь. Рыб-стражей было бы достаточно легко вернуть, когда прилив снова изменится, а в случае опасности они начнут излучать интенсивный изумрудный свет: естественный защитный механизм и полезное предупреждение при нападении.

По настоянию Убрайха все работы проводились в тишине.

Выслеживать зверя в открытом океане было непростой задачей. Не было ни сломанных веток, ни следов ног, по которым можно было бы идти, ни брошенной добычи, ни помета, указывающих на след. У них были только собственные уши, носы и, — если они обладали силой и знали, что искать, — душевное чутье.

Как только Убрайх удовлетворился, а Ситилиен пробормотала, что согласна, укротители покинули только что разбитый лагерь и отправились по следу зверя.

Валханир ударил двумя камнями друг о друга.

Из них вырвался свет. Убрайх хмыкнул. Только сопровождавшие их охотники намарти, физически лишённые глаз, вообще никак не отреагировали. Убрайх моргнул, когда вспышка света померкла до приемлемого уровня. Со дна океана вздымались скалистые холмы и плато, лишённые даже самой примитивной растительности.

— Здесь ничего нет, — сказала Ириме.

— Разве ты не чувствуешь? — спросил Убрайх.

— Я чувствую, учитель, — ответила Флауэйн.

Ириме скривилась, пытаясь еще больше усилить свои чувства.

— В воде есть еще одна душа, — пробормотал Валханир. — Это наша добыча?

Убрайх покачал головой.

— Не просто одна из них. Посмотри еще раз. *Намарти!*

Охотники намарти поплыли вперед, поднимая шепчущие луки; стрелы уже были на тетиве.

— Я вижу их! — воскликнула Ириме.

Из расщелины в скале, будто извержение газа, струились серебристые хаваклиры. Эти рыбы были падальщиками, но только из почтения к чудовищам, правящим жестокими пищевыми цепочками океана. Каждый был около двадцати футов в длину и трех в ширину, но при этом хаваклиры были настолько нелепо тонкими, что встретиться с ним лицом к лицу было все равно, что смотреть на лезвие, сплошь покрытое жесткими зазубринами и посеребренными линиями. Сморщившись от сосредоточенности, Убрайх направил на косяк волну психической силы, рассеивая обломки их крошечных мыслей и

превращая слаженный порядок в путаницу отдельных умов. Рыбы хватались за пустоту, яростно плывя вслед за внушённым намеком на добычу.

— Чего вы ждёте? — спросил он.

В воде раздался *резкий*, вибрирующий звук тетивы: охотники намарти выпустили стрелы в бьющуюся стаю. Ириме не нужно было просить дважды.

Ее болевой посох врезался в плоское тело. Существо замерло, мышцы хвоста и плавники застыли в агонии. Хаваклир неуклюже крутанулся от головы к хвосту, и в этот момент Ириме грациозно развернулась в воде и ударила его концом посоха в бок. Болевой посох не создавался как смертельное оружие, но при достаточном замахе и силе не уступал булаве или дубинке. Зверь закружился от укротительницы; из потрескавшейся чешуи и запекшихся жабр сочилась кровь.

Убрайх поднял посох. Ириме прояснила умы хищников. Разрозненные члены стаи стряхнули с себя чары внушения Убрайха, развернулись обратно и яростно устремились на запах крови к агонизирующей добыче. Один из хаваклиров бросился на Ириме, будто разящий меч. Убрайх потянулся к его разуму и сделал жест, будто тянул зверя.

Это было простое существо с самым смутным самоосознанием. Его душа была слабо связана, и заклинание Убрайха вырвало её из тела и растворило в океане. Рот и глаза хаваклира широко раскрылись, он стал мертвецом в живом теле.

Остальные члены группы кружили вокруг Убрайха. Древко лука одного из намарти перекусили пополам. Другому одним укусом оторвали голову, затем приплыло ещё больше хищников, и тело трэлла разорвали на части. Убрайх ударил посохом. По группе пурпурными и синими пятнами разошлись очаги боли, терзающей души хищников. В искалеченной ноге вспыхнула и его собственная агония. Убрайх приветствовал это чувство. Через него укротитель мог причинить жертве ещё больше страданий. Сквозь бурлящий водоворот донесся крик; Убрайх рискнул оглянуться и увидел, как Флауэйн в панике выходит из боя и плывёт в открытый океан. Убрайх вызвал одного из выживших охотников:

— Приведи ее обратно.

— Хозяин.

Намарти поклонился.

— Валханир, прикрой меня.

Убрайху больше не нужно было концентрироваться на обороне, поэтому он послал ещё один импульс боли в сознание хаваклиров. На этот раз стая пострадала настолько, что полностью распалась под его властью: отдельные осколки серебра разлетелись в океан.

Убрайх осел, отбросив руку, которую подал Валханир.

— Соберите туши, — тяжело выдохнул он. — Если ничего другого не произойдёт, то в этом приливе Ситилиэн и её батальон ждёт хороший паёк.

— Отродясь не видел столько хаваклиров, — пробормотал Валханир.

— Учитель, — позвала Ириме, прежде чем Убрайх успел ответить.

Ишаранька вырвалась немного вперед, как всегда и стремилась.

Она лежала на животе над расщелиной, из которой появилась группа хаваклиров; верхнюю часть ее тела прикрывали волосы цвета обсидиана. Убрайх устало поплыл к ученице. Остальные последовали за ним.

С подветренной стороны скал лежала огромная, частично занесенная песком, туша полосатой рыбы; её хватило бы, чтобы насытить даже стаю хаваклиров. Прикопанная голова и обрывок хвоста, скрепленные примерно восьмьюдесятью фугами раздробленной кости.

— Вот в чём дело, — сказала Ирине. — Они защищали свою добычу.

— Ее убили не хаваклиры.

Убрайх занес руки над останками рыбы и направил в них звериную магию.

На теле внезапно проявились следы укусов. Валханир ахнул, когда овальные углубления вспыхнули серебристо-белым.

— Намарти. Нож.

Стоящих за спиной охотник протянул нож. Убрайх тоже взял его без церемоний и срезал с хвоста мясо.

— Что это?

Ирине наклонилась ниже, чтобы получше разглядеть.

— Укус.

Протягивая ученице филе, Убрайх очертил лезвием странную волнистую линию в форме полумесяца.

— Чей? — спросила Ирине.

Убрайх улыбнулся, но прежде чем он ответил, вернулся намарти, которого он послал за Флауэйн, вырывающейся из крепкой хватки трэлла. Убрайх вздохнул. Он заметил, что Валханир и даже Ирине отвернулись.

— Приведи её ко мне.

— Пожалуйста, учитель, — сказала Флауэйн, когда трэлл исполнил приказ. — Простите меня.

— Тихо. — Убрайх прижал плоское лезвие ножа намарти к щеке Флауэйн. Она захныкала, пытаясь отвернуть голову, но намарти, который держал её, хорошо знал хозяина и взял голову ученицы в захват. Один глаз уставился вверх, другой уткнулся в грудную мышцу трэлла. — Я не допущу, чтобы в глазах у моей ученицы был такой ужас. Да еще в присутствии принцессы Ситилиен.

— Это больше не повторится, учитель.

— Нет, не повторится.

Убрайх отнял нож, а затем с быстротой змеи вонзил его Флауэйн в глаз. Она закричала, забившись в конвульсиях в жестком захвате намарти. Убрайх выдернул лезвие; с лица ученицы капала кровь, слезы и жидкие струйки желеобразной жидкости.

— Боль — это то, что Теклис даровал нам, чтобы мы могли учиться и найти свой путь обратно к его

свету.

Убрайх вернул нож трэллу.

— Иди и разбуди Ситилиен, — сказал он, не обращая внимания на нарастающие крики ученицы. Однажды она его поблагодарит. — Скажи ей, что этой ночью мы возьмём зверя.

IV

Следы укуса лучше любого отпечатка ноги.

Это компас, который не указывает ни на север, ни на юг, ни на дикие энергии, которые циркулировали по краю царства. Он указывает на душу единственного зверя. Когда они отклонились от верного курса, по руке Убрайха пробежала дрожь, исходящая от укушенного куска плоти, который он держал. Валханир разбил еще один светящийся камень. Бесплодные утесы все поднимались и поднимались за краем света. Ирме шла впереди с оставшимися намарти, подгоняя их, чтобы плыли быстрее, чтобы поспедали за её нетерпением. Но Убрайх не смог бы прибавить скорости, даже будь на то воля самого Теклиса: после ущельного скакуна он не мог плыть быстро, поэтому как раз в момент отлива их догнала Ситилиен.

Ахелианская принцесса прибыла верхом на ущельном скакуне, на её вольтпике вперемешку с серебристо-белым облаком волос развевались вымпелы.

Охотник Убрайха вернулся с ней вместе со свитой трэллов, вооруженных двуручными мечами, и налетчиков с луками, — всего двадцать человек. Вместе с охотниками из турсколла — двадцать пять.

Убрайх надеялся, что удалось собрать достаточно тел, чтобы занять зверя, пока укротитель ломает его разум.

Это, напомнил он себе, всего лишь охота. Большинство укротителей согласились бы, что самая лёгкая часть. Гилеан достаточно легко захватил разум ущельного скакуна Ситилиен, но ему потребовалось тридцать лет, чтобы окончательно сломить его волю. Этот долгий и опасный процесс начнётся позже. Зверя нужно поместить в конюшню, акклиматизировать. Ему придётся лишиться глаз. И как только найдется ахелианец, у которого хватит смелости рискнуть, тогда можно будет начинать.

Убрайх с удовольствием предвкушал этот момент. Он с гордостью смотрел на загубленную душу, плывущую под седлом Ситилиен. Ущельный скакун — это дикий и буйный зверь. Теперь у него не осталось независимого духа, чтобы даже дернуться без негласной команды Ситилиен. Некогда животный дух в могучем теле изуродован: все, кроме простейших инстинктов, в нем заглушено страхом и памятью о боли.

— Я что-то вижу впереди, — сказала Ситилиен.

Сразу же по прибытии она взяла контроль в свои руки: несмотря на возраст, глаза у принцессы были альвские, она отточила зрение десятилетиями охоты на более мелкую добычу. Пока она говорила, скакун вывел её в начало группы. Он почуял чей-то запах. Ущельный скакун чувствовал в своих водах более могучее существо и проявлял возбуждение. К удивлению Убрайха, в нем даже нашлась свобода воли, чтобы сопротивляться узде Ситилиен. Она сердито потянула поводья, открывая старые раны там, где Гилеан впервые вонзил в плоть зверя сбрую. Скакун ржал практически не замолкая, издавая вибрирующий звук, который отдавался в зубах Убрайха и нервировал остальных, младших, ишараннов. Ирме искоса взглянула на зверя, задумчиво поглаживая болевой посох, пока Ситилиен не поймала её

взгляд и не испепелила гнев ученицы собственным свирепым взглядом.

Убрайх был впечатлён.

— Что ты видишь? — спросил он принцессу.

— Гора, которую мы миновали ранее, входит в хребет, пересекающий Зеленое Ущелье, — сказала Ситилиен. — Я слышала о нём, хотя вряд ли кто-либо из альвов видел его собственными глазами. Теперь мы подходим к подножию. Я вижу впереди пещеру.

— Я тоже её вижу, — быстро сказала Флауэйн, стремясь угодить.

Убрайх похлопал её по плечу, и ученица вздрогнула.

— Нам стоит переждать? — спросил Валханир. — Или выманить зверя к себе?

— Позвольте мне войти внутрь, учитель, — сказала Ириме.

— Нет, я пойду! — сказала Флауэйн.

— Никто из вас не пойдёт, — отрезал Убрайх.

— Разумеется, — сказала Ситилиен, презрительно приподнимаясь в богато украшенном седле. — Бестолковая девчонка. Ты — ишаранка. По-твоему, я ложилась в постель с половиной Тураха и произвела на свет бесчисленных намарти затем, чтобы чистая душа стала приманкой для чудовища? Ты этого хочешь? Тогда позволь мне помочь, девочка. Я могу выпотрошить тебя прямо здесь и бросить твои внутренности в яму, чтобы зверь вышел за ними прямо к нам в руки.

Ущельный скакун отвесил нижнюю челюсть, обнажив отвратительный оскал изумрудного цвета зубов.

Ириме поспешно отплыла обратно. Убрайх прикрыл ухмылку рукой.

— Нет, девочка.

Ситилиен опустила пику, затем царственно подняла руку. Взмахом указательного и среднего пальцев она призвала трэлла, вооруженного ланмари.

— Проверь, что там, — приказала она.

Убрайх пробормотал несколько фраз над своей звериной меткой, затем передал её намарти перед тем, как тот поплыл к пещере.

Когда трэлл исчез в проходе, все замолчали.

— Что ты шептал над мясом, которое дал ему? — тихо спросила Ситилиен.

— У него есть сила, совершенно отличная от моей. Слова, которые я произнёс, просто пробудили эту силу. Это привлечёт монстра к цели, как привлекло нас к нему самому.

Ситилиен улыбнулась про себя:

— Я знала, что ты так же хорош, как и Гилеан, Убрайх. Что может быть приятнее, чем быть правой.

Из устья пещеры вырвались волны чернильно-чёрной воды. Намарти беспомощно барахтался во внезапно хлынувшем потоке, его швыряло из стороны в сторону, будто обломки корабля, подхваченного

волнами более плотной и тёмной воды. Убрайх почувствовал, как что-то поднимается. Он издал измученный стон и внезапно наклонился, прижимая руку ко лбу. Это был титан. Древний. Идонеты могли быть безжалостными и безразличными, и это часто принимали за жестокость, но глубины злобы, исходящей от этого существа, было достаточно, чтобы заставить его оскалить зубы и сжать болевой посох так, что костяшки пальцев побелели. Флауэйн взвыла, как взбешенный хищник; вскоре монстр вырвался из своего логова, и за ней взвыли Ириме и Валханир.

На расстоянии он казался огромным, дряблым и искажённым потоком бурлящей воды, но не для душевного зрения Убраиха. Основные черты глубинного скакуна были налицо: длинный рог, выступающий из середины лба, когтистые передние конечности, тройной хвост, но изменённый веками и древней магией окружающей среды во что-то почти неузнаваемое.

Колоссальные передние конечности, заключенные в хитиновую экзоброню и заканчивающиеся клешнями, аккуратно разрубили сопротивляющегося намарти пополам. Ноги трэлла исчезали в сегментированном, похожем на жёлоб рте. Ещё живое, ещё кричащее тело с внутренностями, удерживаемыми внутри туловища сокрушительным давлением океанического дна, закрутилось в водовороте, который образовался после появления титана. Ущельный скакун испуганно ржал. Убрайх смутно осознавал, что Ситилиен кричит на него, призывая налётчиков намарти рассредоточиться, а ее трэллов — сплотиться.

Каково это — сидеть верхом на таком звере? На этой бронированной спине с тяжелыми цепями в руках? Он был бы как калдай мифического асура, восседающего на рептилоидных божественных зверях Небес-которые-были.

Теклис Мудрый всегда желал, чтобы его дети стремились к этому.

Дрожа от усилия, Убрайх заставил разум оторваться от своих грандиозных видений эоласа. Пока он им предавался, началась битва.

Налетчики Ситилиен осыпали монстра стрелами, которые отлетали от панциря, не причиняя вреда. Вооруженные ланмари трэллы воспользовались моментом лучше, разрубив броню монстра, хотя и кровавой ценой. Каждое движение чудовищных конечностей дробило кости, выбивало клинки из рук, отбрасывая мускулистых альвов намарти кувыркаться в воде. Зверь угрожающе выпустил когти, но намарти были слишком проворны и хитры, чтобы попасться.

— За Турах. За Матланна. Во имя гордости Анаэра!

Ситилиен нацелила вольтпику, её скакун уже мчался вперед. Два монстра столкнулись друг с другом. Ахелионский вольтспир расколол похожую на панцирь ракообразного броню и глубоко вонзился в плоть. Древний глубинный скакун был втрое больше ущельного скакуна, но рывок Ситилиен пробил их двоих через строй намарти. Когда трэллов отбросило в стороны, звери яростно сцепились друг с другом. Ущельный скакун царапал панцирь когтистыми плавниками. Древний отбивался передними конечностями с хитиновыми лезвиями. Ущельный скакун хлестнул соперника хвостами в живот. Именно так укротители обучали глубинных скакунов сражаться с левиадонами, но, в отличие от левиадона, в броне этого зверя не было слабых мест. Древний испустил пронзительный звуковой импульс, который волной прокатился от него. Ситилиен закричала так, как будто не слышала собственного голоса. Затем чудовище впилося клешнями в два хвоста удельного скакуна. Он в яростной панике вцепился в чудовище, сломав когтистый плавник о его панцирь, пока Ситилиен, прижав руки к ушам, не ударила

пятками в ребра своего скакуна.

Он уплыл, оставив ахелионскую вольптику торчать из головы титана. Стрелы продолжали лететь, а в это время трэллы устремились в атаку, пытаясь сразить зверя ланмари и выигрывая время принцессе, чтобы она смогла отступить и перегруппироваться.

— Это непокорный зверь!

Убрайх повернулся к сражающемуся гиганту, сильнее двигая ногами, чтобы прибавить скорости. Ему и в голову не приходило, что сейчас он говорит голосом учителя.

— Только через боль и страх боли можно разрушить защитные барьеры и подчинить себе его душу. Я не могу одновременно затуманить разум и сломить его. Поразите его разум, ученики, пока я подбираюсь поближе и помогаю леди Ситилиен.

Ответа он не услышал. Внимание укротителя было слишком сосредоточено на добыче. Это могло стать осуществлением мечты, подтверждением статуса, которого он всегда жаждал — даже до того, как осознал, что жаждет этого. Турсколлы всего Зелёного Ущелья и за его пределами пришли бы почтить его имя.

Тело намарти разошлось на две половины по диагонали; Убрайх плыл ему навстречу, облако крови становилось всё тусклее по мере того, как половинки удалялись друг от друга

Убрайх замахнулся посохом и ударил монстра сбоку в голову. От удара глаз разлетелся брызгами. А затем... ничего. Убрайх уставился на чудище, не веря собственным глазам. Древняя нервная система глубинного скакуна была погребена под бронированным панцирем. Он был невосприимчив к болевому посоху.

Монстр повернулся к укротителю; из рта глубинного скакуна вырвался панический поток пузырей.

Убрайх ударил его посохом по морде и оттолкнулся обеими ногами. По команде укротителя по чужеродному разуму монстра прокатились изнурительные волны бессилия и отчаяния. Лодыжку Убрайха обвил хвост. Он ахнул от шока.

Его потянуло обратно, в пасть глубинного скакуна. Убрайх ощутил волнение воды, исходившее от приближающейся клешни, он ударил по ней, словно пикой асглира, и вонзил болевой посох в закрывающуюся клешню. Какую-то долю секунды оружие выдерживало чудовищное давление, а затем разлетелись на куски. Осколки кости образовали зернистое белое облако. Рука укротителя соскользнула с плеча, будто её срезали ножницами, пронеслась сквозь облако и улетела прочь. Убрайх посмотрел ей вслед.

Он закричал.

Затем закричал снова.

Трэлл перерубила удерживавший лодыжку Убрайха хвост своим двуручным мечом ланмари, и тут же ей в живот вонзился обрубок этого же хвоста. Намарти выкашляла раздавленные органы и отлетела прочь.

Ирима подплыла к ним.

— Выбей второй глаз, Ирима! Слепи его, и мы вместе заявим права на этого зверя.

Молодая ишараннка протянула руку к глубинному скакуну. Сила рябила в толще воды. Мастер-укротитель уже целиком завладел вниманием чудища: пасть того наполнилась вкусом жизненной силы Убрайха.

Это проще всего — приказать хищнику сосредоточить все свои мысли на пожирании бывшего мастера.

Убрайх закричал, когда глубинный скакун оторвал ему ногу и отправил альва в свободное вращение сквозь водную гладь.

Убрайх очень смутно осознавал, что Ириме лупит монстра по голове, а Ситилиен побуждает её, обходя зверя, чтобы нанести по нему ещё один удар.

Крики битвы становились все тише, укутываясь в холод, тьму и забвение, и Убрайх улыбался, когда жизнь вытекала из его израненной плоти. Как и китаи до него, как и самому Теклису, укротителю открылась великая истина, и, подобно возвышенным предкам, она ослепила Убрайха. Он улыбался, потому что теперь понял это, и если и был урок, который можно было извлечь из эоласа, то он состоял в одном: нельзя слишком состариться, чтобы чему-то учиться.

Он улыбнулся, потому что однажды Ириме тоже поглотит собственное творение.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Упок / _The_Learning_\(рассказ\)&oldid=25310](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Упок / _The_Learning_(рассказ)&oldid=25310)

Эта страница в последний раз была отредактирована 28 июня 2024 в 09:04.